

№259 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Павловы доказательства нашего спасения

Архимандрит Ианнуарий Ивлиев

Нынешнее литургийное чтение из послания апостола Павла к Римлянам (12,6-14):

Итак, мы верою оправданы, и потому у нас теперь мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого у нас есть также доступ верою к той благодати, в которой мы стоим и хвалимся надеждой на славу Божию. И не только. Но также хвалимся страданиями, зная, что страдание ведёт к терпению, терпение к стойкости, а стойкость к надежде. А надежда нас не срамит, потому что в наших сердцах – любовь Божия, излившаяся в них Духом Святым, нам данным.

Ибо Христос, когда мы были еще бесильными, в назначенное время умер за безбожников... Ведь если нас, врагов, Бог примирил с Собою смертью Сына Своего, то, примирённых ныне, тем более спасет нас в жизни Его.

Как ни странным это может показаться, тема предлагаемого к размышлению отрывка – отношение веры и знания. Что есть вера? На чём она основана? Имеет ли она какие-нибудь разумные основания? Часто приходится слышать утверждение: «Верую, ибо нелепо». Этот броский афоризм Тертуллиана часто воспринимают чуть ли не как христианский догмат и призыв борьбы с рациональностью. Но истинно ли утверждение, будто вера противоположна человеческому разуму? Судя по Посланию к Римлянам, Апостол Павел так не считал. Вера для него вовсе не была эмоциональным порывом. Напротив, апостол знал, что вера постоянно требует опытного и разумного подтверждения в искушениях и в опасности её утраты.

Подобно Аврааму, мы имеем обетование Божие, обещание спасения и вечной жизни. Мы верим ему. Но реальность, в которой последнее слово всегда остается за смертью, постоянно ставит под вопрос обещание жизни. Кто из нас скажет о себе, что он абсолютно свободен от сомнений? Апостол Павел в Послании к Римлянам серьезно размышляет над этой проблемой, ибо он мыслит, как реалист.

На это указывает уже его словоупотребление. Ведь когда он говорит: «спасаться», «быть спасённым» или «спасение», то при этом он подразумевает спасение как преодоление смерти, которое произойдёт только в конце времён, и при этом произойдет телесным, видимым образом. А до того времени наше спасение постоянно остается под вопросом. Действительность и смерть видимы, а спасение невидимо, внешне не проявлено. О нём можно говорить только в образе надежды.

Иногда такое расхождение между данностью и ожидаемым снимается мистическим энтузиазмом, восторгом, некими эмоциональными всплесками, которые принимаются за состояние спасения. Но для Апостола Павла такой иррациональный самообман был совершенно невозможен. Что же тогда может придать основательность нашей вере в спасение?

Сначала Апостол Павел говорит о нашем живом христианском опыте в настоящем. И на вопрос, почему мы абсолютно уверены в нашем спасительном будущем, он отвечает: «Потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам». Именно **любовь Божия** есть основание нашей надежды на спасение...

Но почему мы знаем об этой любви? Может быть, наша уверенность в любви Божией есть результат некоего мистического озарения, доступного только религиозно одаренным личностям? Ничего подобного! Согласно рассуждениям Апостола Павла, наша уверенность в любви Божией коренится, во-первых, в самой истории, точнее: в верующем **знании** истории распятого за нас Иисуса Христа, как воплощения любви Божией к нам. Во-вторых, наша уверенность вырастает из самого **опыта наших страданий**. Наш опыт свидетельствует нам, что благодаря благодати Божией, можно жить и побеждать враждебную нам реальность. Но - **сначала знание, а потом – опыт, ведущий к вере**. «Как призывать *Того*, в Кого не уверовали? – пишет апостол, - как веровать *в Того*, о Ком не слыхали?» (Рим. 10:14). В начале отрывка Апостол Павел говорит о нашем живом **опыте веры**, а далее он изображает **логику веры**... «Ведь если нас, когда мы были врагами, Бог примирил с Собою смертью Сына Своего, то тем более примирённых ныне спасёт нас в жизни Его». С человеческой перспективы предание Иисуса на смерть за грешников должно казаться безумием, парадоксальным выражением невероятной любви. При этом апостол исходит из эллинистической этики дружбы с её высокими идеалами. Так, у Сенеки читаем: «Для чего я обретаю друга? Для того, чтобы у меня был кто-то, за кого я мог бы умереть» (Сенека, Письма к Луциллию 19,10).

Анафора

Перед каноном Евхаристическим все собравшиеся в храме поют Символ веры: «Верую во Единого Бога Отца., Верую в Бога Сына., верую в Иисуса Христа, в Духа Святого, в Церковь, в загробную жизнь будущего века». Традиция эта уходит корнями в истоки христианской литургии, и имеет глубочайший смысл. Любой, состоящий в Новом Завете и желающий продлить этот Союз с Богом, обязан проявить свою компетентность в истинах, открытых нам Всевышним. Наступает священный момент, ради которого строятся храмы, ради чего все мы собираемся на Богослужения, и здесь самое время засвидетельствовать о своей вере, в первую очередь - перед самими собой, перед Богом, конечно, ну и перед друг другом.

Мы многократно подчёркивали с Вами, что храмовых молитв, Богослужбных обрядов и чинопоследований множество, и - слава Богу, но без них можно обойтись - и без вечерни, и без утрени, и без так называемых часов. Не в смысле, что мы должны игнорировать молитвенный опыт тысячелетий и тем самым самих себя обворовывать, но ту же вечерню или утрению спокойно каждый может совершить у себя дома - самостоятельно или в кругу семьи, тем более, прочесть повечерие, полунощницу или акафисты там разные. А вот Евхаристия – это Таинство, которое возможно совершить, лишь собравшись для сего вместе - церковью.

Перед самым началом канона, как Вы прекрасно помните, звучит возглас: «Будем стоять с благоговейным страхом, от всего сердца принесём жертву Господу!» - это такой последний звоночек перед началом Литургии с большой буквы этого слова. Предстоятель обращается к народу Божию фразой, которой приветствовали своих братьев и сестёр по вере ещё апостолы: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Духа Святого да пребудет со всеми Вами». Хор от лица всего народа отвечает взаимностью – дескать, и тебе того же – «и со духом Твоим», или «да пребудет Благодать и с Тобою..!». Далее два призыва - «Вознесём сердца наши ко Господу!» и «Возблагодарим Господа!», ну и за сим начинается первая вступительная часть Евхаристии - «prefatio»[префацио], в которой мы благодарим Всевышнего за всё доброе, что Он для нас совершил - и за те дары, помощь и защиту, о которых мы знаем и помним, и за то, о чём даже не догадываемся.

Потом следует ἀνάμνησις [анамнезис] – воспоминание о заключении Завета Христом в Сионской горнице на Тайной вечери – о том, как Иисус взял хлеб, благословил его и, разламывая, раздал ученикам Своим со словами: «Вкушайте – это Моё Тело, за вас преломляемое». А после вечери, благословил чашу вина и, пуская по кругу, сказал: «Это

вино – есть Кровь Моя Нового Завета, за вас проливаемая... Творите сие в Моё воспоминание».

Затем - третья часть - ἐπίκλησις [эпиклезис] – призывание Духа Святого на НАС - **церковь** и на святые Дары – хлеб и вино. Обо всём этом мы уже говорили с Вами неоднократно и более подробно. В частности мы подчёркивали с Вами две фундаментальные эkkлeзиoлoгичeские истины. Первая – это то, что в момент слов предстоятеля: «приложив Духом Твоим Святым», хлеб, находящийся на престоле, перестаёт быть просто хлебом, а становится вместилищем Тела Христова. Также и вино в чаше мы уже именуем Кровью Иисуса. Католики, как мы говорили с Вами, не мудрствуя лукаво, говорят по этому поводу о **пресуществлении – транссубстанции** хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. **Православное** же вероучение гласит не о превращении хлеба и вина в Тело и Кровь, а о **присоединении** Тела Христова к святым дарам, о **наполнении** Евхаристических Хлеба и Вина духоподобным Телом нашего Господа. Посему, в православной литургии принято употреблять славянское слово **«ПРИЛОЖИВ Духом Твоим Святым»**, а не **«ПРЕСУЩЕСТВИВ Духом Твоим Святым»**. Русское «претворив», или украинское «перетворивши» - слова, в принципе, правильные, но, скажем так - не очень удачные. В слове «претворив» обертоном звучит «переделав», «перестроив» - здесь такой лёгкий запах средневекового католичества слышится. А вот «приложив», «присоединив», «воплотив» – это именно то, что надо.

Следующее. На предлежащие **дары** призываем мы Духа Святого – **во-вторых**, а **во-первых – на самих себя**, на молящееся собрание. Да и смысл, ведь, не в том, чтобы хлеб стал Телом Христовым – наша задача: нам **самим** быть членами, клеточками Тела Христова.

Ну и последняя часть канона – «intercessio» - ходатайство о святых, завершивших путь земного бытия, как наше свидетельство о единстве Земной Церкви с Небесной. Вновь, как и в проскомидии, мы вспоминаем праотцев, отцов, патриархов, пророков, апостолов, проповедников, евангелистов, мучеников, исповедников, воздержанников - всех праведников, скончавшихся в вере, ну и, конечно же, Пресвятую, Преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Вечнодеву Марию. А хор от имени всего народа подхватывает сей возглас предстоятеля гимном Божьей Матери – «Достойно есть...» - «Достойно ублажать Тебя подобает, истинную Богородицу, вечнодеву Марию, драгоценнейшую херувимов, и несравненно славнейшую серафимов! Девственно родившую Бога-Логос, сущую Богородицу, Тебя величаем!»

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным